

«Его» черную броню пробило, и механические внутренности разодрало в клочья. Но Легион не испытывал боли. Потому и тело не корчилось от мук, как в последние минуты жизни.

<<Нидхёгг — глобальной сети. Нидхёгг получил серьезные повреждения. Отказ от внешней оболочки.>>

Из бреши в продырявленной броне и промежутках между зубьями ствола наружу просачивались жидкие микромашины в виде серебряных бабочек. Эти микромашины, составляющие центральный процессор, сплелись в калейдоскоп бабочек в своей попытке улететь. Это был функционал бессмертия, протестированный на Фениксе, а после добавленный Пастухам.

Искусственная центральная нервная система плавилась и стекала вниз, рассеивалась и становилась размытой массой, но призрак, известный как Нидхёгг, не испытывал ужаса. Эта особенность — фактически раздирание мозга на отдельные части — перестала пугать на фоне обращения в машину и интеграцию в Легион, и безумия, в которое он пал еще живым.

Но прежде всего, это ничто по сравнению со встреченным концом. По сравнению со смертью на передовой, когда неисчислимый Легион прорвался через рухнувший Гран-Мюр.

По сравнению с болью раздираемого живьем, с агонией закипающего мозга. Ощущение разделения центрального процессора и последующего воссоединения в самом деле было ничем.

И тем более это не могло сравниться с абсолютной эйфорией от исполнения желания, к которому так долго стремился.

Он желал этого всеми фибрами своего существа. Увидеть, как сносятся никчемные Гран-Мюр и Республика, этот адский восемьдесят шестой сектор, что держал его в плену. На северном фронте поля брани, столкнувшись лицом к лицу с призраками его товарищей, обращенных в металлических монстров.

Конец пришел. И теперь... самое время, ведь так? Мы столько пережили, поэтому теперь наш черед.

Серебряные бабочки взмыли в звездную осеннюю ночь.

<<План запуска все равно выполнен. Операция «Страсть», переход ко второму этапу.>>

Будь то черным драконом или несметным числом бабочек, он раз за разом продолжал произносить слова только для Бога смерти.

«Теперь наш черед».

†

Шин с горечью цокнул. Кажется, Камп Пфау исполнил свой долг. Он перестал слышать стенания Морфо.

Однако...

— Вражеская машина повержена. Но не ослабляйте бдительность! Рельсовая пушка один залп успела сделать!

От предупреждения Шина по синхронизации прокатилась волна напряжения. Морфо был побежден, это так, но своей способностью Шин в самый последний миг уловил нарастающий вой Морфо — уникальный вой при атаке.

Искусственная кровожадность механического призрака, занявшего машину, не пренебрегла залпом в последние мгновения.

— Есть признаки восстановления Морфо?.. — спросила Лена.

— Нет. Можем допускать, что он уничтожен.

В битвах с Ночесветкой и Альционом наблюдалась возможность обращения центрального процессора в бабочек, чтобы сбежать и потом возродиться. Шин учитывал эту вероятность, но не было никаких признаков такого исхода. Или, если быть точнее, Морфо все-таки мог обратиться в бабочек и сбежать, но не прослеживалось намека на процесс реконструкции. Скорее всего, решено было покинуть поле боя.

— Принято. Я сообщу информацию и предупрежу Специальный артиллерийский полк.

Присутствие Лены временно исчезло из синхронизации. Она права, вполне возможно, что последний выстрел Морфо был произведен по Камп Пфау и Специальному артиллерийскому полку.

Скорее, высока вероятность, что именно по ним. Морфо выстреливал большими снарядами с высокой начальной скоростью по неподвижным целям, вроде тяжелой артиллерии противника, базам или укреплениям. Оружие предназначалось для поражения по самому полю боя, и оно проявляло себя как тактическое оружие при атаке на мощные укрепленные районы и оборонительные сооружения.

Изначально оно, скорее всего, было нацелено на резервные формирования Союза или

Объединенного королевства. Если планы и изменились, залп будет контратакой по Кампф Пфау. И маловероятно, что вместо этого огонь производился по ударной группе.

Эта пушка создана не для поражения фердресов. Бронетанковые дивизии разбросаны на участке в несколько сотен километров — даже если все поле боя стало целью, даже если выстрел производился осколочным снарядом, большого ущерба это не нанесет.

И вот почему не удалось избежать мимолетного ступора, когда поступили сообщения от противозенитного и контрбатареинного радара гаубичного подразделения ударной группы.

— Пришли показания радара! Снаряд на высокой скорости... Рельсовая пушка дала залп по нам!

— Целился по ударной группе?! Сейчас?! Зачем?!

Члены отряда вслух высказали сомнения Шина. Но в момент их разговора демонический снаряд летел по ночному небу со скоростью восемь тысяч метров в секунду, прямо в них. Предупреждение артиллерийского батальона вынудило несколько отрядов и роты Ванаргандов уйти со своих позиций, с предположительных мест ударов. Эвакуационный поезд, готовый вот-вот проскочить, замедлился и остановился, чтобы подготовиться к ударным волнам. Регинлейвы рассредоточились по всем направлениям в поисках укрытий. Крепкие Ванарганды встали перед менее бронированными пауками, чтобы закрыть от точки приземления.

□

— Приготовиться к удару!

□

Вспышка.

А затем прилет 800-мм снаряда и взрыв. Мощные волны огня и кинетической энергии охватили Регинлейвов, Ванаргандов и защищаемые ими железнодорожные пути.

†

Однажды «восемьдесят шесть» произнес такие слова: «Тут, на фронте, есть всего два пути: ты можешь погибнуть, сдавшись Легиону, или попытаться выжить, дав ему бой. Разве кто-нибудь выберет первое? Потому мы и сражаемся. Это то, что придает нашей жизни смысл».

□

Они не запятнают гордость во имя возмездия. Не мстить Республике — вот что отчасти делало их «восемьдесят шесть».

Но было также и понимание, что месть не имела смысла. Рискнуть своими жизнями было можно, но это не заставит белых свиней подумать о совершенных ошибках. Те останутся слепы к тому, какими бесполезными, неподготовленными и глупыми они были, а потом погибнут, считая себя трагическими героями. А у «восемьдесят шесть» не получится осуществить желаемую месть в истинном смысле.

Вдобавок осуществить ее, как предполагалось, у них не выйдет. Путь к Гран-Мюру блокировали перехватывающие пушки и минные поля. Республика контролировала поставки припасов: сколько и какие именно. А Легион атаковал волнами, будь то днем или ночью.

В распоряжении у них имелись только Джаггернауты, годные разве что в качестве гробов, и было немыслимо идти в атаку на восемьдесят пять секторов.

Поэтому «восемьдесят шесть» ни разу не выбирали месть. Вместо того чтобы цепляться за обреченное на провал желание, они предпочитали сохранить ту крохотную частичку гордости, что у них оставалась.

Однако...

□

Напрашивался вопрос.

□

Они предпочитали сохранить гордость, даже ценой жизни. Но если бы появилась возможность, если бы можно было пожертвовать жизнь во имя чего-нибудь — разве не логично пожертвовать ею, скажем, во имя мести?

По крайней мере странным такой выбор точно не будет. Раз достоинство и справедливость у одних ценились выше выживания, то вполне вероятно, что гордость и месть, поставленные на пресловутые весы, будут весить одинаково.

Разве не логично, если «восемьдесят шесть» между местью и гордостью выберет первое? Разумеется, как указывалось ранее, месть не была возможной. «Восемьдесят шесть» не доставало сил для свершения возмездия людям Республики.

Но что, если «восемьдесят шесть» перестанет быть собой?

Что насчет армии механических призраков, которые грозят сокрушить Республику и «восемьдесят шесть», не переставая пополнять свои ряды погибшими?

□

Тут напрашивался еще один вопрос.

□

Если некто так сильно желал отомстить, что подвергал свою жизнь опасности, то, естественно, страха смерти он больше не испытывал. Разве в таком случае этот некто не станет охотно стремиться стать Легионом? Стать Пастухом со скопированными воспоминаниями погибшего и воссозданными в центральном процессоре из жидких микромашин?

□

Можно ли с уверенностью сказать, будто среди «восемьдесят шесть» не найдется таких, кто охотно вступит в ряды сильных, грозных металлических призраков — даже ценой жизни и человечности?

†

По некоторым причинам 800-мм снаряд не был начинен шрапнелью, а представлял собой минимальную внешнюю оболочку, заполненную взрывчатым веществом. Это не один из тяжелых шрапнельных снарядов, крайне эффективно расправляющихся с рассредоточенными бронетанковыми подразделениями и исключительно фатальные против легкобронированных Регинлейвов.

Добавление шрапнели в снаряд, будь то в противопехотный или противотанковый, делало его более летальным в сравнении с тем же самым снарядом, полагающимся исключительно на взрывчатое вещество и ударные волны.

Выпущенный снаряд создавался с одной целью, произвести взрыв. Несколько тонн взрывчатого вещества могло произвести очень мощный взрыв, но Регинлейв — бронетанковое оружие, хотя и относительно хрупкое. Невооруженный однотонный гражданский транспорт отправило бы в полет от ударной волны, но десятитонный танк выстоит. Тем более ими управляют опытные «восемьдесят шесть».

Могильщик и Регинлейвы пригнулись, чтобы их не отбросило, а затем сверху навалилась ударная волна от взрыва. Мощные амортизаторы и приводы выдержали сильное давление. Меньше секунды безголовые Валькирии оставались на одном месте, уклоняясь от огненного дыхания злого дракона.

И именно этой неподвижности добивался Морфо своей нелогичной атакой. Именно этого хотел Легион, и именно на это «восемьдесят шесть» не рассчитывали.

Где-то вдалеке взвыли призраки. Это были вопли Легиона, готовящихся атаковать. Они находились далеко, но не настолько, чтобы ими оказались дальнобойные пушки вроде Морфо — но по расстоянию сразу угадывались гаубичные войска Легиона типа Дальнобойной артиллерии, Скорпионы.

Регинлейвы с артиллерийской конфигурацией застопорились на месте, у них не получилось вовремя засечь их и дать бой. А из-за ударных волн они теперь уже не могли увернуться.

Снаряды обрушились сверху, затмевая звезды. И когда Регинлейвы наконец могли высунуться, над ними пролетел хвост пламени.

— !..

Шин сообразил, по чему целились, и повернулся в том направлении... когда зажигательные снаряды попали в поезд для беженцев, остановившийся, чтобы переждать взрыв.

□

— Какого?! — шокировано сглотнул Шин.

Он перестал дышать. Сцена перед глазами была до оцепенения страшной.

Незадолго до попадания внешняя оболочка снарядов сорвалась, несметное число зажигательных гранул запросто пробили небронированный корпус поезда из алюминиевого сплава. Они изрешетили локомотив, безжалостно выпуская адский огонь.

В зажигательных бомбах имелась горючая жидкость, которая распылялась на препятствия и поджигалась. Температура пламени превышала тысячу триста градусов по Цельсию. Даже трудно сжигаемая сырая древесина окажется беспомощной перед лицом такого количества тепла.

А значит человеческое тело, с ног до головы укутанное в одежду, волосы и, несмотря на высокий процент воды, жир, естественно, будет беззащитно в этом пекле.

□

Огонь захватил алюминиевый поезд, в том числе тысячи беженцев внутри.

□

— !..

Под мрачным покрывалом звездной ночи вспыхнуло пламя. Перед Регинлейвами ярко, точно притягивающий взгляд костер, сверкнуло огнем. Единственное, казалось, чего они не слышали, это стенания жертв внутри. Одних изрешетили гранулы, других захватил огонь. Любая попытка закричать обернулась всасыванием горячего воздуха и пламени, которые выжигали глотки и легкие, поэтому никто не мог издать ни единого звука.

Вместо воплей было огромное число рук, высовывавшихся из разорванного поезда и разбитых окон. Они безумно корчились, моля о помощи. Охватившее их прозрачное пламя описывало агонию яснее всяких слов.

Учитывая высокую скученность в поезде, у беженцев не оставалось ни шанса уйти от пламени и столпотворения. Из-за обрушившейся на них вместе с огнем паники они не могли сообразить вручную раскрывать двери.

А еще напалм был сделан из смеси загустителя с топливом, вещество получилось очень вязким. Оно прилеплялось к жертвам, огонь распространялся все дальше. Люди становились факелами: липкая жидкость не позволяла жертвам корчиться, поэтому они просто стояли и горели.

Адская сцена не поддавалась описанию.

— Ч-что там?!

— А-а-а-а-а-а!

— Огонь! Мы горим!

— Нас атаковали!

— Задний вагон в...

Пассажиры в вагонах спереди и сзади поняли ситуацию, когда пламя осветило ночь. Много времени не прошло, прежде чем догадки и паника распространились подобно чуме. Пассажиры старались уйти хоть куда-нибудь от огня, что еще сильнее запутывало людей из примыкающих вагонов. Ничто не указывало на попытку помощи жертвам, соотечественникам, пока они горели заживо.

И откровенно говоря, пламя распространилось уже настолько, что непрофессионалы попросту

не могли потушить огонь без должной подачи воды. Впрочем, водой в принципе нельзя гасить напалм.

Было уже поздно. Слишком поздно, чтобы что-либо предпринимать.

И поскольку солдаты Союза и «восемьдесят шесть» понимали это, они застыли на месте.

Между тем... Взрыв от 800-мм снаряда застопорил проблемное вооружение Союза. Солдаты рассредоточились в надежде не попасть под атаку Морфо. Все это дало Легиону достаточно времени, чтобы подобраться ближе.

И поэтому после бомбардировки Морфо, как по сигналу, экраны радаров быстро заполнились вражескими метками. В кабине Шина прогремел сигнал о приближении.

— Тц!..

Самая губительная их ошибка — сосредоточиться исключительно на выбивании Морфо, что позволило врагу подобраться ближе, но, к счастью, способность Шина позволила членам отряда под его командованием засечь приближение врага. Данные передались всем остальным отрядам и Ванаргандам.

Отрывая взгляды от пожирающего человеческие жизни ада, Регинлейвы и Ванарганды в мгновение переключились на другую задачу и повернулись к приближающемуся Легиону.

— Всему личному составу — огонь по готовности, но не уничтожайте рельсы или поезд. Нейтрализуйте врага, как сможете!

Горящий поезд пришел в движение. Наверное, посчитали, что будут лишь мешаться в битве. Была и другая причина.

Если поезд останется на месте, раненым не будет оказано медицинской помощи, и никто их не вызовет оттуда. Здесь не было возможности потушить напалмовый огонь, а все нонкомбатанты, включая очень ценных военных врачей, эвакуировались первыми.

Но если поезд сможет добраться до Союза, если получится пройти весь четырехсоткилометровый путь до территорий Союза, появится возможность спасти часть умирающих и серьезно раненных.

Колеса эвакуационного поезда закрутились с отчаянием удирающего животного, постепенно набирая нужную скорость, чтобы пуститься в ночь. Он уезжал от бушующего пекла с горящими внутри людьми и с полным пониманием, что спасти всех не выйдет.

Шин проводил вагоны взглядом, затем сощурился и сосредоточился на слышимых вое и предсмертных криках.

Предсмертные крики.

Их издавали Гончие со стертыми личностями. Их издавали Пастухи — много Пастухов. На экране радара он видел десятки Динозавров в сопровождении легковесного Легиона, подбирающихся все ближе на максимальной скорости.

Вот поступило сообщение от отряда впереди них, выступающего в роли страховки.

— Зашли в дальность поражения! Вступаем в бой с противником...

В следующий миг на них обрушился Легион.

Судя по радару, формирование было странным. Атаку возглавлял Динозавр, за ним шли только Муравьи. На корпусе Динозавра, прямо на башне, восседали самоходные мины, точно какой-то танковый десант — силуэты угадывались, потому что их было много.

Даже с ними формирование оставалось все таким же странным. Тем более шли они на Ванаргандов, слишком бронированных и тяжеловооруженных для легковесного Легиона... Да и Динозавр против хрупких Регинлейвов тоже был чересчур.

А потом раздались голоса.

□

«Прикончим всех вас».

□

Это был звонкий голос девочки, похожий на звон хрустального шара. Девочка выплескивала ледяную и в то же время жгучую обиду и кровожадность. Произносимые ею последние слова — предсмертное желание.

Девочка была солдатом. Судя по всему, одна из «восемьдесят шесть».

За ее голосом последовали вопли других Динозавров, других Пастухов. Поднялась какофония из низких рычаний и пронзительных визгов, сотрясая ночной воздух.

«Прикончим всех вас».

Как шторм, как пылающий огонь — голосам механических призраков вторили крики, вой, страдания, плач, ярость, гнев, злость, кровожадность, проклятия. Пусть их головы забрали, но в последние мгновения именно эти эмоции были выжжены в сознании: люта́я ненависть к Альба и Республике за восемьдесят шестой сектор и поле боя, за все те гонения.

Структура мозга была скопирована в момент смерти, а потому даже годы спустя эта ненависть ничуть не ослабла, и теперь она сочилась наружу мощным потоком.

Абсолютно в каждом Пастухе находился «восемьдесят шесть» — призрак, питавший злобу еще до смерти.

— !..

Шин машинально прикрыл уши. Бессмысленный жест, но у него создалось впечатление, будто если так не сделать, водоворот стенаний утащит его вниз. «Восемьдесят шесть» решили, что не откажутся от сражений из-за собственных обид. Что не дадут гневу запятнать гордость.

Но никто из них не мог с уверенностью заявить, будто никогда не питал эту злобу к тому, как обошлась с ними Республика. И потому он невольно соотносил свои чувства с той ненавистью, которую выплескивали Пастухи. И ему казалось, что чем дольше слушать, тем ближе он будет к пропасти.

— А...

Один Регинлейв отступил, как будто ненамеренно, не имея возможности игнорировать или отвлечься от обрушившихся голосов.

— ...Всему личному составу. Если понимаете, что выдержать не в состоянии, отключитесь. В разведке пока смысла нет, — сказал Шин, прищурившись одним открытым глазом.

Он мог соотнести себя с ними, мог понять их чувства, и потому все встало на свои места. Нелогичные действия Морфо и Пастухов имели под собой причины.

Спереди по прямой приближался Динозавр, стонущий знакомым глубоким голосом.

«Отомщу за вас».

У Шина перехватило дыхание. Этот голос. У Шина до сих пор была персональная метка с того времени. Он сомневался, что машина именно из-за этого показалась перед ним, но все же...

Этот голос.

Тот самый голос.

«Шин! Шин'эй Ноузен! Сколько можно тебе повторять, ублюдок?!

Я у тебя не извинений прошу, я прошу, чтобы ты меня услышал наконец! Если будешь так продолжать, то скоро сдохнешь!»

После каждой вылазки владелец этого голоса срывался на него. Подвеска у республиканских Джаггернаутов была очень слабой, поэтому командир бригады обслуживания постоянно переживал за методы пилотирования Шина, который и ломал ее.

Шин помнил его. В бараках отряда Остриё копья в первом районе военных действий. Как командир, с низким и с хриплым голосом льва, снял очки и показал глаза серебряного цвета.

— Лейтенант Альдрехт...

□

Услышав имя от Шина через синхронизацию, Райден, Анжу, Крена, Рито и Лена отреагировали шоком.

— Альдрехт?!

— Нет! Но почему?!

Когда голоса всех слились в смесь шока и печали, один Рито издал озадаченный стон:

— Вы же сказали нам бежать.

Рито был одним из тех, кто говорил с Альдрехтом в последние мгновения. В разгар крупномасштабного наступления Легиона он проводил Рито и его товарищей такими словами: «Бегите. Куда — неважно, просто бегите и живите».

И последнее, что видел Рито, — как Альдрехт и члены бригады обслуживания остаются на базе, вооруженные только пистолетами. Он не убегал от Легиона, а стоял на месте, словно приветствуя смерть. Словно принимая наказание.

— Вы говорили, что вам некуда пойти. Что для вас нигде не найдется место. А вы...

Они говорили, что просто не осталось такого места после того, как побросали столько детей-солдат из отряда Остриё копья. Словно их связывал с этим местом долг хранителей кладбища для бесчисленных солдат, которые погибли, но остались без могил.

Он поклялся выполнять этот долг до последнего вздоха. Он дал обещание. И все же...

— Почему же вы переметнулись на сторону Легиона?!

...и все же он бросил восемьдесят шестой сектор, это массовое захоронение погибших солдат.

□

«Альдрехт» высокомерно вышел на поле боя, освещаемый огнем из человеческих тел. Он будто красовался. Шин улавливал своей способностью непрекращающийся вой.

«Отомщу за вас». «Отомщу». «Отомщу». «Мстить». «Отомщу». «Отомщу». «Отомстить за вас». «Отомщу». «Отомщу». «За вас». «Мстить». «За вас». «Отомщу». «Отомщу». «Отомщуотомщуотомщу».

Шин стиснул зубы.

— Я разве не говорил, что никто из Легиона не вызывает к тебе?!

Он сказал об этом всего два года назад — казалось, прошла уже вечность — в ангаре на базе отряда Остриё копья. На тот момент Харуто еще был жив, поэтому Джаггернаутов стояло шесть. В почти пустующем ангаре он и спросил Шина.

Спросил, стали ли его дочь и жена Легионом, что теперь винят его и ищут. И Шин благодаря способности мог сказать, что нет. Собственно, так и сказал.

А если призраки зывали бы к Альдрехту, Шин не стал бы утаивать это. Все-таки сам он пять лет блуждал в поисках брата, кого удерживало в плену поле боя. Так с чего бы Шину умалчивать о таком?

Но семья Альдрехта не была на поле боя восемьдесят шестого сектора.

— Ты мог бы просто уйти к ним... Ты же сам мне это сказал!

И несмотря на это...

«Отомщу».

«Отомщу за вас».

...Альдрехт все повторял эти слова, повторял свое желание в момент смерти. Отомстить за дочь и жену. Отомстить Республике — родине, соотечественникам, которые бросили его любимых на поле битвы. Он отомстит за них.

Если Альдрехт бы просто погиб, он бы встретился с ними на другой стороне. Но от этого желания он, по итогу, отказался.

— Твоя жена и дочь, должно быть, ждут тебя. Почему тогда к ним не пошел?!

Пусть и мстить он решил за них.

□

После продолжительного стискивания зубов, Шин со злостью стукнул по переключателю частоты радиосвязи и включателю внешних динамиков, выбрав частоты армии Союза, включая незашифрованные для экстренных случаев.

Другие Пастухи, Динозавры, наклонились вперед, словно животные, готовые прыгнуть. Подняв взгляд, Шин увидел башню на огромном корпусе — четыре метра в высоту, — а еще выше находились две пушки Гатлинга.

Да, пушки Гатлинга.

Причем на эффективной дальности поражения.

— Эвакуируйте беженцев! Они попытаются убить жителей Республики!

— !..

...Динозавры ринулись вперед, а Регинлейвы и Ванарганды, как могли, постарались перехватить их. Они ушли с линии огня мощной 155-мм пушки и протащились до тыла, чтобы можно было нацелиться на слабо защищенную верхнюю часть брони. Попытались остановить путем уничтожения самоходных мин пулеметным огнем.

Но даже крепкие Ванарганды не могли рисковать и подставляться под главную башню Динозавра, лишь бы защитить собой толпу. Точно также Регинлейвы — броня могла выдержать попадание 12,7-мм пули, но нельзя было рисковать и пытаться встать под шквал из пулеметов. Динозавры, с которыми сталкивался Союз, как правило, оснащались 14-мм пулеметами.

Ко всему прочему, от административного персонала Республики и необученных граждан не ждешь быстрой скорости реакции, сопоставимой с таковой у «восемьдесят шесть» и солдат Союза.

Громкое стаккато пулеметной очереди — мягче рева пушки, но несравненно более оглушительное, чем из пистолета — прорвало воздух. То ли 12,7-мм, то ли 14-мм пулеметы.

Вооружение мало что могло противопоставить бронированным целям. Неэффективное против танковой брони, какой бы угол не взял, и, в некоторых ситуациях, даже против самых уязвимых частей — башни, например. Да что уж там, механизированная пехота уже бы справилась с таким типом вооружения.

Но для целей с мягкой кожей выстрелы были очень и очень мощными. Ими можно разодрать целый двигатель автомобиля и низвести бетонный бункер до крошки. Надо ли говорить, насколько безмерно летальными будут выстрелы по хрупким людям, чьи мозг и внутренние органы защищают только тонкая кожа да ломкие кости.

У тяжелых пулеметов эффективная дальность поражения составляет примерно две тысячи метров. Боевые действия же велись всего в двух километрах — расстояние, столь далекое для человеческого глаза — от привокзальной площади за Гран-Мюром, которая, казалось бы, была защищена рухнувшими стенами. Там собралась на эвакуацию толпа. Народ, стоявший между главной улицей и площадью, лопнул как гранат.

— !..

Пулеметные и винтовочные пули с тяжелым наконечником летели на высокой скорости. При попадании в человеческое тело они не просто проделывали в нем кровавую дыру определенного диаметра. Нет, воздействие боеприпаса и кинетической энергии раздирали окружающие ткани, перемалывали и разрывали мышцы, кровеносные сосуды, нервы и внутренние органы — и все за один миг.

Кроме того, этот тип боеприпасов применять против людей было чрезмерным. Потому масштаб увечий был поистине огромным.

От попадания в голову ее отрывало от тела. Конечности превращались в кровавую труху. Животы раздирались в клочья, рубило пополам тела, что после наваливались друг на друга. Мгновенная смерть: столь быстрая, что жертвы даже не кричали. Даже шум падающих на землю ошметков плоти и костей заглушил переполох на поле боя.

Жители Республики оцепенели при виде крови соотечественников, проливающейся на них, но Пастухи продолжали вести пулеметы. Пули, тем не менее, не пробивали тела и не поражали стоящих за теми, кому не посчастливилось попасть под огонь.

Выстрелы производились противопехотными кувыркающимися пулями: проникая в тело, они не вылетали с другой стороны, а задерживались внутри вместе с кинетической энергией, которая еще сильнее кромсала внутренности жертвы.

Не таким типом боеприпасов снабжались тяжелые пулеметы Динозавров, обычно разбирающихся с тяжелобронированными целями. Механические динозавроподобные чудища в принципе никогда не метили в хрупкие человеческие тела.

Явная и искренняя злоба.

«Прикончить».

«Прикончить». «Прикончить». «Прикончить их». «Прикончить». «Прикончить».
«Прикончитьприкончитьприкончитьприкончитьприкончитьприкончитьприкончить».

Пулеметы вращались и визжали, выстрелы сопровождался воем. Стоящие неподалеку деревья повалились, словно от приливной волны, и тогда-то жители наконец поняли, что нужно бежать.

Они попятились, и начали делать попытки удрать. Едва ли можно было услышать голоса администрации, тонушие в потоке сматывающихся жителей. Динозавры пошли на них. Просто бросились вперед, игнорируя Ванаргандов и Регинлейвов.

Но вместе с тем в их сторону явно была направлена ненависть — гнев на таких же «восемьдесят шесть», вставших на пути и заслонивших жителей Республики.

— Черт!..

— Мать твою, да остановите их!

□

В то же время Альдрехт перед Шином тоже пришел в движение. Восемь ног согнулись, и стотонное металлическое чудовище из состояния покоя в миг перешло к абсурдно максимальной скорости.

«Отомщу».

Однако рывок остановил Милан Рито, который вцепился в Динозавра сбоку.

— Рито! — окликнул его Шин.

— Это я видел последние минуты лейтенанта Альдрехта! Не вы, кэп! А значит на мне лежит долг остановить его, а не на вас!

Точно паук, настигший жертву, Милан расставил ноги наверху башни Динозавра. Рито ответил, когда выстоял от попыток Легиона смахнуть его резкими движениями из стороны в сторону.

Красный оптический сенсор повернулся в сторону Могильщика.

— Так что давай, вперед, кэп! Остановить всех уже не выйдет, но... они ведь «восемьдесят шесть», из наших! Не дай им закончить дело!

Искренность в крике заставила Шина сомкнуть губы. Он выдохнул лишь раз, затем ответил:

— Позаботься о нем.

— Обязательно!

□

Но, к сожалению, Рито правильно заметил. Динозавры — авангард Легиона, посылаемый в большом количестве для прорыва крепких оборонительных рубежей человечества. Эти машины могли вытоптать абсолютно все, от мин и противотанковых препятствий до солдат и даже фердресов.

Отбросить противника без оборонительных сооружений или артиллерийской поддержки группе фердресов будет сложно. И тем более эта задача не для Регинлейвов, в которых акцент стоит на мобильности, а не на огневой мощи и броне. Скудное оснащение не позволяло им удерживать позиции и блокировать оппонента.

Они могли справиться с боевыми действиями, где угадывались перемещения Легиона, и была возможность совершить упреждающий налет в качестве стратегии активной обороны. Но не с битвами, когда нужно защищать цели в нескольких километрах позади без права на отступление.

Хилые агрегаты цвета серебристого металла спешно создали оборонительный рубеж, но при столкновении с бронетанковой волной Легиона он продержался всего лишь несколько мгновений. Вот уже Динозавры прорвались через него и начали посягать на цели позади. 88-мм снаряды полетели в Легион, но толстая броня непоколебимо отражала удары. Динозавры скользнули мимо фердресов на скорости, несопоставимой с огромным весом, и избежали столкновения в ближнем бою.

Динозавры ворвались в толпу беженцев, их скорость и массивность — сто километров в час и сто тонн — стали оружием против людей.

□

К тому времени, как Оборотень Райдена вышел вперед, в восемьдесят третий сектор успели вторгнуться более десяти Динозавров. Они все еще были в нескольких километрах от вокзала города Илекс, где у платформы в ожидании отправки стоял поезд, в который забирались беженцы. Люди в вагонах или на платформе оставались не на линии огня, но другие группы стояли на площади, ждущие следующего поезда, и двенадцати улицах, простирающихся от

площади в радиальном направлении.

Все они принялись спасаться бегством, от чего ночной вид восемьдесят третьего сектора завертелся в водовороте хаоса. Испугавшись грозного вида и огня Динозавра, люди разбежались кто куда. Нет, они попытались разбежаться, но в итоге постоянно сталкивались друг с другом.

На площади и дорогах собрались тысячи, это была катастрофа. Граждане все мешали друг другу, не способные уйти, а голоса, пытавшиеся увести их в строгом порядке, заглушили крики и грохот выстрелов. Это была никакая не организованная эвакуация — лишь слепая, растерянная толпа, идеальная для неторопливого разделывания Пастухами.

Регинлейвы не могли прыгнуть в толпу, разумеется, а Оборотень не мог использовать пушку и пулеметы, когда на линии огня находились люди. А если он и попытается сказать убратся через внешние динамики, сомнительно, что паникующее столпотворение послушает.

— Ну твою ж...

Враг, эта бойня — все было вне его контроля, и его это раздражало. Райден даже не мог стиснуть зубы в кабине.

□

— Черт... В крупномасштабном наступлении также было! Безмозглые белые свиньи! Носятся как угорелые и мешают друг другу! — услышал Клод бормотание Тору из кабины Бармаглота, несущегося позади него.

— Соглашусь, что они мешают друг другу, но... нет, во время крупномасштабного наступления так не было, Тору, — отозвался Клод из своего Брандашмыга.

Оно случилось год назад — а казалось, что прошла вечность, — в день окончательной гибели Республики. Массированное наступление. Тогда Легион, в том числе Динозавры, также обрушились лавиной на жителей. Но...

— Они не были такими последовательными... Не устраивали это подобие охоты на людей.

□

Выстрелы из пулеметов Динозавров стали тише. Шин сообразил, что в какой-то момент машины перестали стрелять из тяжелых пулеметов, переключившись на станковое оружие.

На башне Динозавра находились два вращающихся пулемета. Видимо, один из них был

заменен на станковый: 7,62-мм противопехотный пулемет, редко используемый даже Муравьями на передовой Союза.

Полноразмерные винтовочные патроны 7,62-мм могли без усилий пробить и уничтожить небронированный транспорт и слабые конструкционные материалы, а значит, они более чем хороши для убийства людей. И, в отличие от обычных пулеметных патронов, цель необязательно умирает мгновенно после поражения.

Жители бежали, а Динозавры стреляли по выставленным на показ спинам, безжалостно скашивая каждого. От быстрого темпа стрельбы рокот слился в единый рев бешеного кабана, но, когда он стих, осталась только сцена оторванных конечностей и лежащей замертво толпы со вспоротыми животами. Те, у кого черепа лопнули, точно перезрелые арбузы, или у кого отсутствовала половина головы, можно сказать, оказались счастливыми.

— Тц...

Он не мог просто отключить оптический или аудио сенсоры, поэтому оставалось только смотреть на эту страшную картину. Его ушей достигали крики и плач — еле слышимые, но они накаляли нервы сильнее привычных воплей призраков. А от рыданий ребенка душа у него ушла в пятки, и он непроизвольно цокнул.

Один взгляд на умирающих беженцев уже давал понять. Их не спасти.

И людей было слишком много, чтобы умерщвлять. Кроме того, он не мог тратить боезапас в самый разгар боя. Свой пистолет, в иных случаях бесполезный, он носил либо чтобы избавлять товарищей от страданий, либо чтобы применить его для самоубийства, поэтому не брал с собой запасные патроны.

Он ничего не мог сделать.

Даже пройти по ним, потому что всякая клейкая субстанция, если та каким-то образом прилипнет к ногам его агрегата, окажет негативное влияние на маневренность. Он это понимал, но голоса продолжали звучать.

«Пожалуйста». «Помогите».

К нему потянулась маленькая ручонка, но Шин сразу распознал самоходную мину и отбросил ее.

...Ну конечно же здесь будут самоходные мины. Этот тип Легиона как раз извлекает преимущества из подобных ситуаций и психологического состояния, которое они создают. Лена, быстро сориентировавшись по передаваемым данным, через внешние динамики предупредила жителей Республики: «Не приближайтесь беспечно к раненым или мертвым. Не

отзывайтесь на плач о помощи, только если он исходит не от того, кого вы знаете».

В ее голосе сквозило притворным холодом, он звучал напряженно, как если бы стекло вот-вот должно было лопнуть.

Уличные фонари уже давно разбиты шальными пулями, а единственным источником света в потемках служили горящие здесь и там огни, от чего человек едва ли мог отличить раненого человека, валяющегося на земле, от самоходной мины.

И потому Лена, гражданка Республики, велела остальным гражданам Республики спасаться самим, даже если пришлось бы бросить соотечественников.

Но затем через ночную тьму прошел сноп пламени, словно издевательски проясняя, что эти муки будут добавлены в кострище. Сильнейшая наземная машина, Динозавр, была оснащена огнеметом — оружием, применяемым скорее военными инженерами.

Огнеметы вполне себе использовались против людей, но в сравнении с тяжелыми пулеметами и тем более танковыми башнями, их радиус поражения был ничтожно мал. Топливо извергалось на сотню метров вперед, что фактически делало это оружие водяным пистолетиком на фоне остального вооружения.

И все же Динозавр применил его.

К дулу крепилось сопло огнемета, из которого струилась длинная, почти что мультяшная линия огня. Машина шла вперед, игнорируя все конвенции и законы танкового боя, сжигая медлительных людей, что пытались убежать. Температура пламени напалма превышала тысячу триста градусов по Цельсию, человеческие тела обращались в пепел.

В оптические сенсоры Динозавра, скорее всего, были встроены противопехотные датчики, но и они словно бы оказались одурманены пламенем. Проходящие через огонь силуэты сенсоров крутились из стороны в сторону в практически маниакальной манере.

Будто любовались зрелищем. Они буквально пустились в безумный пляс, отбрасывая сложные тени среди горящих кострищ. Свет и тьма таинственно пересекались, и в этот застилающий глаза момент Ванарганд подпустил самоходную мину к ноге. Мина взорвалась за мгновение до того, как была отброшена. В силу веса, нога Ванарганда не отлетела, а повалилась на неудачного — или, возможно, как раз удачливого — раненого жителя.

— Проклятье!..

— Фенрир* Двадцать-восемь — отступайте, — произнес Шин. — Остальные Ванарганды тоже. У вас слишком много слепых зон, и если вы останетесь на поле боя, где не можете отличить гражданских от самоходных мин...

[П/П: Фенрир — волк в германо-скандинавской мифологии.]

— Не глупи, парниша из ударной группы! — огрызнулся на него пилот Ванарганда. — Вас, «восемьдесят шесть», может и обучали разбираться с Легионом, но не переусердствуйте, а лучше сами отступите! К смертям вы, возможно, привыкли, но никто не говорил вам, как надо защищать жизни! Я уж молчу про сложившиеся условия, когда делать это надо при виде сгорающей заживо сотни другой!

— ...

Взревела пушка. Ванарганд, теперь на семи ногах, выстрелил 120-мм снарядом по флангу Динозавра. Вероятно, машина заметила-таки обращенное на него внимание Ванарганда, но огонь по гражданским продолжался.

Эти Пастухи однозначно решили сосредоточиться на истреблении жителей Республики, не отвечая на выпады и не опасаясь Ванаргандов или Регинлейвов. Динозавры представляли собой многоногие танки, и они были созданы с целью противостоять противнику того же класса. Первым делом, как правило, они должны разбираться с Регинлейвами и Ванаргандами. Но сейчас они охотились на людей — скорее мошек для них.

Тактика Легиона всегда подразумевала механическое уничтожение вражеских агрегатов, начиная с наивысшего уровня угрозы. Но теперешнее их поведение было нелогичной диверсией.

Потому, разумеется, вкупе с нахождением на уровне земли, Регинлейвы шустрее обычного разбирались с Динозаврами. Центральный процессор Пастуха обратился в стайку серебряных бабочек, впоследствии улетевших в ночное небо. Словно погибший мирно вошел в загробную жизнь, не оставив позади сожалений.

Фредерика как-то сказала, что Легион не играет с людскими жертвами. И да, они в самом деле никогда так не поступали. Но...

— Вы зайдете так далеко?! — сказал Шин.

Они добровольно стали механическими призраками, а потом даже проигнорировали логику Легиона.

Шин стиснул зубы до скрежета. Он знал, что это случится. Знал с крупномасштабного наступления, и еще раньше, со времен восьмьдесят шестого сектора. Он знал, что это

случится, поэтому не выбирал мечь.

«Восемьдесят шесть» могут даже не пытаться отыгрываться на Республике, поскольку Легион однажды уничтожит ее — это было неизбежно. Он знал, что нет необходимости мारать свои руки... Он говорил об этом Лене со своей скептической улыбкой.

«Сможете ли вы продолжить воевать?»

Нет...».

Он глумился над людьми Республики, которые не станут бороться ради собственной защиты. Над уродливыми живыми существами.

Но это не значило... что он... что все они желали воплощения столь жуткой сцены.

□

88-мм и 120-мм пушки Регинлейва и Ванарганда соответственно подавляли Динозавров. Этот тип машин считался сильнейшим среди тех, что массово производились Легионом, но они полностью отдались истреблению жителей Республики, поэтому опытным солдатам Союза и «восемьдесят шесть» было легко их изничтожить.

Но на каждый уничтоженный Динозавр приходилась улетающая стайка. Центральный процессор Легиона из жидких микромашин превращался в бабочек, которые затем удалялись прочь. Это было бессмертием Легиона, впервые обнаруженное у Фениксов, и позднее замеченное у Ночесветки и Альциона.

Обман смерти путем расплавления мозга и хранения его в бесчисленных небольших колбах — страшное действие, какое неспособен вынести ни один здравый рассудок. Своего рода проявление безумства Пастухов, некогда бывшими людьми.

Дрожа от страха за судьбу бывших товарищей, «восемьдесят шесть» молча наблюдали за улетающими стайками бабочек.

— Всему личному составу, вы что творите?! Не упускайте их! — отчитала их Королева.

В ответ на выговор артиллерийские Регинлейвы приготовились выстрелить зажигательными снарядами. Но...

— Полковник, плохо дело. Они используют людей как щиты!

— Кх...

...Динозавры находились прямо в толпе, в таких условиях нельзя было использовать зажигательные снаряды. Пастухи, наслаждаясь бойней, спокойно бежали, бросая последние взгляды на Регинлейвы и на их стиснувшую зубы Королеву.

□

Рито попытался вдарить по «Альдрехту» всеми четырьмя 57-мм противотанковыми копрами, но Динозавр так сильно вертелся, что в итоге он попал не по тому месту, и прочный Легион выжил.

Машина спихнула Рито. Вскочив, он начал сражаться безрассудно и импульсивно. Не переставая, стрелял из 88-мм пушки. У него получилось сломать суставы ног «Альдрехта», взорвать два вращающихся пулемета. Он также уничтожил оптический сенсор из пулемета и обмотал анкер вокруг главной башни, чтобы мешать движениям.

Смотав анкер, Рито снова взобрался на верх башни. Но «Альдрехт» все равно непреклонно целился в жителей Республики, а не в Милана. Стрелял, яростно размахивал башней — и это несмотря на разбитые ноги и сломанный оптический сенсор.

Дошло даже до того, что Рито переключился на внешние динамики и до хрипоты орал жителям бежать, потому что те мешались.

По итогу продолжительного боя он наконец-то наставил основное оружие на верхушку башни и выстрелил.

— Ха-а, ха-а, ха-а, ха-а-а...

Он отпрыгнул от горящего и дымящегося Динозавра, хватая ртом воздух, и приземлился на разломанные от смертельной битвы плиты. Альдрехт был уничтожен, но жидкие микромашин в виде серебряных бабочек не улетели.

Как только они начали формироваться, их поглотили мерцающие языки пламени. Улететь они не могли.

Все из-за выпущенного Рито 88-мм кумулятивного снаряда. Высокотемпературная и высокоскоростная металлическая струя пробилась через броню «Альдрехта» и сожгла внутренности дотла.

— Лейтенант...

Шин рассказал Рито, что у Альдрехта были жена и дочь. Рито рассказал Шину подробности последних моментов жизни Альдрехта после начала операции в Объединенном королевстве, поскольку он хотел их узнать. А потом Шин поделился другой историей.

Как Альдрехт пошел в восемьдесят шестой сектор, чтобы защитить своих жену и дочь, но у него не получилось — они скончались.

Альдрехт был из Альба, потому у его дочери, скорее всего, либо волосы, либо глаза были серебряного цвета.

...Поэтому ли? Наверное. Да, должно быть, дело в этом.

Молодая женщина из Альб, упавшая на землю неподалеку от Милана, наконец-то посмотрела вверх. Волосы и глаза у нее были серебряного цвета — одна из граждан Республики, кого Рито ненавидел всей душой.

В самом конце «Альдрехт» попытался раздавить молодую женщину, но не смог. Он уже поднял ногу, но застыл в таком положении и не опускал ее. Вот что позволило Рито взобраться на него.

Она посмотрела на Милана, дрожа. Половину ее лица осветило красное пламя, исходящее от «Альдрехта». Будучи все еще не в силах подняться, ей удалось произнести: «Э-э... Спасибо, что спас...».

— Забудьте, просто свалите отсюда! — оборвал ее Рито.

Его выкрик граничил с суровым выговором. Женщина вздрогнула и, со все еще онемевшими ногами, уползла. Рито даже не стал провожать ее взглядом, выражение его лица оставалось искаженным.

Он не смог спасти Альдрехта. Он дал ему убить столько людей. Быть может, он добровольно стал Пастухом, но Рито позволил этому случиться.

Он не хотел, чтобы Альдрехт опускался до такого.

Не хотел спасать жителей Республики. Чего он хотел, так это спасти Альдрехта.

— Почему?..

Почему Альдрехту он предпочел жителей Республики? Почему они выжили, а он — погиб? Его

это ужасно разозлило, но еще сильнее ему хотелось заплакать. Но битва не даст времени на слезы. И потому Рито выпустил злость ударом кулака по оптическим экранам.

□

Динозавр нацелился на спину парня, прижимающего к себе девочку, вероятно, его младшую сестру. Крена, как увидела это, выстрелила. 88-мм кумулятивный снаряд взорвался прямо над Динозавром, что снесло два пулемета и остановило Пастуха.

Стрелок Крены встал между машиной и двумя детьми. Она защищала республиканских детей от Пастуха, бывшего «восемьдесят шесть».

— «Восемьдесят шесть»... — прошептал парень, обернувшись.

Он выглядел на лет пятнадцать, может, шестнадцать... примерно ее одноклассник.

— Ну да! — крикнула Крена через внешние динамики, продолжая смотреть на Динозавра. — Да! Я «восемьдесят шесть». Но...

«Может, вы и подвергали дискриминации нас, “восемьдесят шесть”. Но сражения — источник нашей гордости, нашей личности. Мы сражаемся по сей день, и вот что делает нас “восемьдесят шесть”. И поэтому...»

— Мы спасем вас! Мы будем сражаться, чтобы здесь было безопасно!

Ребята словно были младшими версиями ее самой и ее старшей сестры. Теперь оберегать будет она. Теперь ей хватало для этого сил.

— Ты же ее старший брат? Бери ее и бегите! Скорее!

Парень, казалось, на миг оцепенел, но вскоре из его глаз хлынули слезы.

— Мне очень жаль. Спасибо!..

Краем глаза она видела, как он убегал, прижимая к себе младшую сестру. Взгляд ее оставался прикован к Динозавру — Пастуху, в котором поселился призрак «восемьдесят шесть». У этой машины была необычная противопехотная конфигурация, вращающиеся пулеметы заменили на станковые пулеметы 7,62-мм. Она слышала плач незнакомого юноши.

«Ни за что не прощу».

— ...Ага.

Она могла его понять. Те же слова несметное число раз слетали с ее уст еще в восемьдесят шестом секторе. Мрачное пламя в сердце не погасло, и оно никогда не забудется. Если бы она только не встретила Шина... Если бы не завела друзей, вроде Райдена, Сео, Дайи, Анжу, Кайе, Харуто и Лены... Пойди хоть одна вещь по-другому, и пламя бы поглотило ее.

Не попытайся бы спасти ее родителей один офицер из Селенов... Не будь сестры, которая оберегала ее в лагере для интернированных...

Но это все равно не значит...

— Не поступай так же, как поступали они.

«Убить брата, пытающегося спасти младшую сестру? Сокрушить беззащитного ребенка? Ты ведь “восемьдесят шесть”. Зачем повторять поступки белых свиней по отношению к нам?

И я, как одна из “восемьдесят шесть”...»

— Я не дам тебе действовать таким же образом.

□

С четырехметровыми Динозаврами, ворвавшимися в толпу, и разведывательными Муравьями позади по большей части разобрались, но на расстоянии самоходные мины были неотличимы от людей, поэтому в хаосе битвы сложно сказать, сколько их еще осталось.

Что хуже, судя по всему, в нескольких километрах Легион развернул Кентавров, поскольку Тору мог разглядеть падающие с неба мины.

— А-а-а, проклятье, как же бесит! Все мешаются и мешаются!..

Противотанковые самоходные мины содержали взрывчатку с кумулятивным зарядом, что позволяло пробить даже броню Ванарганда, если те взбирались на самый верх. Было опасно подпускать их на определенное расстояние, но гуманоидные силуэты находились повсюду.

Применяя прошлый опыт из операции в Подземном лабиринте Шарите, они направляли лазер максимальной мощности на любую фигуру поблизости. Это позволяло отделять людей от самоходных мин. Люди остро реагировали на боль и жар, тогда как мины боли не чувствовали, а потому либо совсем не откликались, либо откликались с задержкой.

Тору был не прочь отбросить по чистой случайности какого-нибудь жителя Республики, но топтать их без разбору не стремился. Он вполне мог обойтись без того, чтобы испытывать потом вину.

Раздался сигнал о приближении. На него кинулась еще одна самоходная мина, совершенно игнорируя направленный невидимый лазер.

— Тц.

Тору уже замахнулся передней ногой, чтобы отбросить ее. Но потом...

— А-а-а-а-а-а!!!

...под дикий вой кто-то вдарил по самоходной мине длинным тупым предметом. И несмотря на дурацкий крик, замах вышел таким, что удар отправил голову мины в полет в случайном направлении. Тело пошатнулось и рухнуло на землю.

Тору немедленно остановил ногу Бармаглота. Как оказалось, в дело вмешался тощий мужчина из Альб, на нем были деловой костюм и очки. В руках он держал металлическую штангу, которую непонятно где нашел. Уставившись на самоходную мину, барахтающуюся в попытке подняться, он крикнул:

— Ты же тот Регинлейв, что утром с людей глаз не спускал, да?!

Услышав вопрос, Тору узнал в нем сотрудника, что стоял у входных ворот, ведущих на привокзальную площадь. Это он выбросил неразрешенный к провозу багаж, и это на него жаловались жители из-за приоритета посадки на поезд солдат. Именно он пропускал людей, будучи на грани слез.

— Я у тебя в долгу за это! Так что с мелочью я разберусь!

— А?! — против воли вырвалось у Тору.

Эти слова в самом деле произносил трусливый, хилый житель Республики, чрезмерно слабовольный для того, чтобы выйти против Легиона?

— Ни за что! Уйди! Убирайся, слышишь?! Ты на пути стоишь!

Девять лет белые свиньи перекладывали сражения на «восемьдесят шесть», когда сами заперлись в стенах. А теперь вот как они заговорили?

Он до скрипа стиснул зубы. И вообще...

— Я не... И я лишь поглядывал, а не глаз не спускал.

Поглядывал на то, как белые свиньи визжали друг на друга. Поглядывал на то, какими жалкими эти свинки стали, запершись за стенами.

— Все равно это спасло нас сегодня. Поэтому...

Самоходные мины без продыху продолжали напирать. К ним ринулась другая мина, и молодой человек замахнулся на нее штангой. Но в этот момент первая мина, которая была сбита и не могла подняться, несмотря на попытки, наконец-то повернулась торсом к мужчине.

Это оружие цеплялось к цели и взрывалось, выбрасывая либо шрапнель, разрывающую человеческое тело на куски, либо кумулятивную струю, пробивающую танковую броню.

Будь то шрапнель или кумулятивный заряд, мина всегда будет цепляться к цели — передней частью груди, где располагается взрывчатка.

— Нет! Убирайся!..

Она самоподорвалась. Мина была не противопехотной, а противотанковой, выпускающей металлическую струю. Но человек ни за что не выживет при подрыве на таком близком расстоянии.

— ...Ну говорил же, — прошептал он, понимая, что все равно мужчина не услышит.

Сотрудник лежал на земле, обгоревший и обугленный. Его губы едва-едва шевелились.

— Мне жаль... Нет, не так. Нам жаль, «восемьдесят шесть»...

— Хватит.

Извинения? Ему было плевать, и он не требовал их. Они ни разу не помогли на поле боя или в лагерях, так чего можно добиться сейчас этими извинениями?

— Я не прошу простить нас, но если можете...

«Прошу, не ненавидьте».

Молодой человек прошептал. В его взгляде читалось понимание, что быть ненавидимыми, презренными, выброшенными и, наконец, забытыми, точно насекомые, — единственное искупление, какое могла совершить Республика перед «восемьдесят шесть».

Они не могли отбросить ненависть. Но хотя бы сейчас, хотя бы напоследок...

— Можете, пожалуйста... спасти народ моей страны?..

«В память о моей глупой смерти».

Тору стиснул зубы.

— Мне нет никакого дела, — горько выплюнул он.

Белая свинья пожертвовала собой? Черт с ним. Не моя проблема. Но...

— Мы спасем твой народ. Но не в память о тебе. Мне просто хочется так поступить, вот и все.

□

Регинлейвы сосредоточились на Динозаврах, и выходило, что самоходные мины пришлось оставить. Часть жителей попробовали дать отпор. Родители, защищающие своих детей и супруг. Молодые люди, сформировавшие группы из друзей.

Проводилась эвакуация целого сектора. У людей здесь имелись семьи и знакомые. Поэтому они брали в руки тупое оружие, иногда отломанные конечности взорванных самоходных мин, и защищали своих любимых ударами по приближающимся минам или забрасывая их камнями.

Всех, кто пробовал противостоять, в процессе убивали.

Благодаря яростному бою Регинлейвов, численность Динозавров удалось сократить. Но, с другой стороны, погибали жители, в равной степени как убегаящие, так и оставшиеся, чтобы дать отпор.

Одна противопехотная мина, при взрыве выпускающая осколки, могла убить несколько жертв. Огонь, горящий то тут, то там, освещал кучки трупов и раненых, умирающих людей.

Лена при виде этого стиснула зубы.

Им нужно минимизировать жертвы... и предотвратить дальнейшие потери...

— Нам нужно что-то сделать...

Предстоит эвакуировать весь сектор, но нельзя позволять жителям бесцельно разбредаться за пределы восьмьдесят третьего. И все же паника продолжала распространяться. Видневшиеся на освещенном огнями поле боя кровь, обгоревшая плоть, трупы и зверство привели людей в исступление. Толпа начала ослушиваться требований тех, кто пытался проводить их.

— ...Отряд Нордлихт, выступите, чтобы направить гражданских. Если надо, можете немного угрожать, но соберите всех за заводом номер три... Отправила координаты.

— Так точно, мэм.

Но Шин холодным тоном вмешался в приказ:

— Нет, Лена. На подходе еще враги. Нельзя, чтобы старший сержант уходил.

Последний Динозавр наконец-то рухнул на землю. Серебряные бабочки взмыли вверх, и тут же на них бросилась группа голосов, не давая времени процессорам покончить со стайкой. Металлическое цунами показалось из-за горизонта.

А затем — вспышка.

По ту сторону рухнувшего Гран-Мюра ярко зажглась звезда. Потом их стало больше: две, пять, семь — это были выпущенные Скорпионом сигнальные ракеты. Медленно опустившись на парашютах, они осветили землю, точно солнце маленьких размеров...

...и открылся реальный масштаб надвигающихся на жителей убийственных машин, которые до сих пор укрывались во мраке ночи.

— Хи...

Остаток рассудка у стаи овец помутился окончательно. На поле боя истребили всех Динозавров, но захватившие людей ужас и инстинкты выживания заставили их отпрянуть.

Ребенок, находящийся относительно далеко от сцены бойни внутри стен, пронзительно закричал, что посеяло панику вокруг. Паника побуждала бежать, и вскоре вся свора беженцев распалась на испуганные толпы.

Административные работники попытались их остановить, но их голоса шли мимо ушей. Подобно лавине, люди бежали обратно в восьмьдесят пять секторов, где находились их дома и покой. Регинлейвы не могли пойти за ними, поскольку самим нужно было готовиться к столкновению с основным войском Легиона. Лена окликнула их через внешние динамики, но

безуспешно:

— Пойдите, вернитесь! Вас слишком много, чтобы занимать укрытие за стенами!..

Но стоило сказать это, как ее пробрала дрожь от осознания. Способность Шина уловила, что численность новых сил Легиона в два раза превышала объединенные силы ударной группы и экспедиционных войск. Ситуация была критической, и дело не только в гражданах Республики. Даже войска Союза в таких условиях оказались в шатком положении.

Генерал-майор Альтнер тотчас принял решение. Принимать его должны не Лена или Грета, а именно он, командир экспедиционных сил. И будучи бывалым генералом, стоявшим на поле боя с начала войны с Легионом, он понимал, что в такие моменты нужно строго придерживаться своим обязанностям.

□

— Поддержка в эвакуации граждан Республики завершается немедленно. Я считаю, что дальнейшее сопротивление невозможно. Всему составу экспедиционных сил, ударной группы и оборонительным силам — готовьтесь к выводу и отступайте.

□

— !..

Лена не удержалась от судорожного вздоха, хотя и осознавала, что курс действий был рациональным и правильным. Почувствовав это, Ричард перенастроил парарейд, чтобы заговорить только с ней.

— Полковник Миризе. Думаете, у вас получится призвать успокоиться хоть одного убегающего гражданина?

— ...Нет, сэр.

Скорее всего, у нее ничего бы не вышло. И он задавал вопрос, зная, что это невозможно, и хотел убедиться, что она также все понимала. Он искусно намекнул, что раз она не могла это сделать, раз никто не мог, значит в том, чтобы бросить их, нет ни ее вины, ни чьей-либо еще.

— Поезд 191 на платформе — как только посадка беженцев будет закончена, сразу отправляйтесь. Поезд 192 в режиме ожидания — вы будете последним поездом в этой операции.

— Поезд 191, принято.

— Всем боевым инженерам, военной полиции и персоналу штаба в восьмидесяти пяти секторах — ваши обязанности выполнены. Забирайтесь на поезд 192... и, если поблизости будут граждане Республики, можете взять с собой. Как все завершат посадку, отправляетесь.

□

Военной полиции удалось каким-то непостижимым образом посадить часть сматывающихся граждан на поезд 191, который затем отправился в путь. Через полчаса, в 02:58 утра по стандартному времени Союза, из Республики, с вокзала города Илекс, уехал последний поезд 192.

На нем находились: военная полиция, руководящая процессом эвакуации; персонал штаба, завершивший свертывание временного штаба; и боевые инженеры, вернувшиеся после частичного сноса Гран-Мюра. Они запихнули оставшихся граждан, которые не то, что не сбегали, а просто оцепенело стояли, в, можно считать, последний поезд для беженцев.

Свет во всех вагонах был выключен, чтобы не оповещать Легион о местоположении поезда, и теперь он мчался через угольно-черную ночь, полагаясь на устройство ночного видения. Вдалеке они видели два пустых поезда, изначально направляющихся в Республику — поезда 193 и 194, — но теперь возвращающиеся в Союз после получения новостей.

Затем отступать начали ударная группа и оставшиеся войска. Медленные Ванарганды шли впереди, а Регинлейвы и падальщики, загруженные припасами, выполняли роль арьергарда. Формирование было развернуто таким образом, чтобы в худшем случае они могли на максимальной скорости оторваться от большинства типов Легиона и прорваться через вражеские территории, пусть и с потерями.

Мобильность Регинлейвов была способна нанести увечья телу процессора, но погоня за Морфо и операция на горе Драконий клык показали на примере Фредерики и Аннет, что даже нонкомбатанты могут благополучно перемещаться на них, если не вступать в бой.

Так же, как в случае Аннет, Саки — из бывшего отряда Молния, лишь недавно оправившаяся от ранений — отвечала за перевозку вышестоящего офицера. Лена поглубже уселась во вспомогательное сиденье Регинлейва, Грималкина, всячески стараясь не прикусить язык от вибраций.

Она повернулась и посмотрела на удаляющееся поле боя позади, хотя понимала, что не сможет ничего увидеть. Заметив это, Саки, держа руки на ручке управления, пальцем переключила голографическое окно. Теперь на нем отображались слегка зашумленные кадры Гран-Мюра. Они шли от подствольной камеры и передавались от самого крайнего агрегата по каналу связи.

— Спасибо.

— ...Не за что.

Несмотря на расстояние и высотную разницу, было видно, как Легион покрыл собой основание Гран-Мюра. Точно волна, они наступали один за другим и окружали место, будто облако саранчи. Но нет, это не было божественным наказанием, и не голод стал причиной. Нашествие металлической саранчи вызвано одной лишь безразличной, искусственной, механической кровожадностью с целью поглотить города, страны, земли и все человечество.

Лена через способность Шина почувствовала, как Пастухи, сбежавшие в виде бабочек, снова присутствовали в рядах Легиона. Ненависть призраков, вселившихся в центральные процессоры, ничуть не уменьшилась с той бойни, которую они устроили ранее. Вой безумия звучал все также.

Выходит, причина, почему они не уничтожили Республику...

— Причина, почему они не направили ракеты-спутники...

Вот почему ударной группе позволили просто приехать сюда и спокойно ждать, пока Союз оказывал помощь в эвакуации граждан Республики. Чтобы нонкомбатанты экспедиционных сил эвакуировались и вернулись в Союз первыми. Так у основных сил экспедиционных войск останутся лишь комбатанты, что вынудит бросить граждан Республики и бежать через территории.

А если силы Союза остались бы внутри стен и вступили в бой насмерть, Пастухам не удалось бы в полной мере насладиться истреблением жителей Республики.

Но теперь ворота охотничьих угодий были закрыты. А снежно-белые жертвы — заперты внутри. Те, кто изгнал Колората и называл их животными, будут загнаны призраками зверей. Точно жуткое воспроизведение того, как сами они заперли «восемьдесят шесть» в восемьдесят шестом секторе и вынудили жертвовать собой в сражениях.

Они словно подносили себя во имя страсти Святой Магнолии, которая возглавила революцию, но умерла в тюрьме, куда ее посадили освобожденные ею граждане.

Лена с содроганием поняла: бойня только начиналась. Бойня, опьяненная кровью, наполненная горячей плотью и оркестрованными криками агонии. Это будет празднование, в котором белых свиней растерзают во имя мести, но ни аппетит, ни жажда не умерятся.

Не умерятся до тех пор, пока абсолютно каждый не будет повержен.

†

<<Нет...>>

Зелен во тьме герметичного контейнера повторила это слово. То был ответ на вопрос Вика, однако защита не дала его произнести.

«Меня исключили из ядра сети управления... из звена Верховных главнокомандующих Легиона.

Потому что я пыталась остановить Легион».

Нынешний высший приоритет Легиона состоял в поиске потерянного унаследовавшего права командовать ими. Легион был оружием, чье предназначение – только заменить собой солдат, унтер-офицеров и младших офицеров. Изначально не подразумевалось, что Легион будет сражаться годы без командующего ими лица.

И в соответствии с заданным приказом, призрак Зелен Биркенбаум отказался сидеть и смотреть, как уничтожаются ее родина и человечество... за что ее и исключили.

Ядро нынешней сети управления Легиона, Пастухи, использовали логику и действия, чтобы обойти заданный приказ. И исполнить свои желания... не Легиона, а именно собственные.

Исполнить желания, за которые они держались даже после становления Легионом. Заветные желания погибших.

<http://tl.rulate.ru/book/36621/2455403>